

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ РАКУРСЫ СОЦИОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВА

И.А. Шмерлина

Сектор социологии знания
Институт социологии РАН
ул. Кржижановского 24/35, корп. 5, 117259, Москва, Россия

Теоретические ресурсы анализа

Связь пространства с физическим бытием человека настолько очевидна, что с трудом поддается проблематизации. Неудивительно, что социологи долгое время либо не различали, либо сознательно отвергали пространство как предмет исследования. В самом деле, пространство (территория, земля как место жизни) есть один из природных ресурсов существования человека, сравнимый с воздухом. Трудно представить себе социологию воздуха, хотя несомненно, что воздух и его химический состав имеют витальное значение для человека.

В иной плоскости формируется тематика такого параметра бытия, как время. Время мы проживаем, в пространстве — пребываем. Идущее от Канта противопоставление времени как субъективно переживаемого ресурса пространству как ресурсу, переживаемому объективно, в значительной степени определило тематический выбор социологии.

Своеобразное развитие тема пространства получила в марксистском обществоведении. Одной из наиболее известных работ, выполненных в русле этой традиции, является монография В.Г. Виноградского «Социальная организация пространства» [3]. Рассматривая существующие теоретические подходы к исследованию пространственных отношений, автор проводит важное различие понятий социального пространства и среды обитания человека. Смещение этих понятий характерно для дисциплин, ориентированных на взаимоотношения человека и природы (географии, экономической географии, архитектурно-проектировочной деятельности, археологии). Используя категорию «социальное пространство», представители этих дисциплин трактуют ее как «пространство социальной деятельности», противостоящее геофизическому пространству [3, с.29.]. Данный подход не лишен оснований, однако, как замечает Виноградский, категория «социальное пространство» утрачивает при этом свой специфический философско-социологический смысл, «начинает играть не вполне свойственную ей роль: она, по сути дела, выступает в качестве иной словесной оболочки таких конкретно-научных представлений, как антропосфера, социосфера, «вторая природа», искусственная среда жизнедеятельности и т.д.» [3, с.12-13.].

В работе развивается альтернативное понимание социального пространства как неразрывного единства физической территориальности и социальных отношений. «Значительная часть авторов, — пишет В.Г. Виноградский, — выделяет в качестве основной характеристики социального пространства совокупность общественных отношений как отношений людей друг к другу, которые и составляют, по их мнению, главное содержание пространства как формы социального развития... Одним из первых подобный способ понимания социального пространства реализовал Г.Е. Зборовский (см.: [8, с.68.]. — *И.Ш.*), который подчеркивал, что общественные отношения составляют основное содержание социального пространства как определенной формы и вместе с тем необходимого условия функционирования общественных отношений» [3, с.20-21.].

Аналогичное понимание пространства развито в популяционной биологии. Используя термин «пространственная структура популяции», биологи имеют в виду неразрывную констелляцию пространственных расположений и внутривидовых контактов между особями, предпочитая иногда говорить не о пространственной, но о пространственно-этологической или просто этологической структуре популяций [см.: 28, с.296.]. Данная методологическая установка в понимании пространства была сформулирована еще Гегелем, который писал в «Философии природы»: «Мы не можем обнаружить никакого пространства, которое было бы самостоятельным пространством; оно есть всегда наполненное пространство,

и нигде оно не отлично от своего наполнения. Оно есть, следовательно, некая нечувственная чувственность и чувственная нечувственность» [4,с.47].

Данный подход ориентирует исследователя на анализ пространственной конфигурации социальных отношений и содержит возможность социально-экологической интерпретации последних¹. В то же время он создает трудно преодолимые для социологии эпистемические пределы в понимании социопространственных отношений. Пространственные структуры, выступающие в сложной констелляции со структурами социальных взаимодействий, феноменологически неразличимы. В силу этого они плохо рефлексированы и не обретают смысла а, соответственно, и статуса социологического факта как культурно значимого события. А.Ф. Филиппов дает точный диагноз этой ситуации, указывая на неконсистентность социологического дискурса, ориентированного на смысл и ментальность, грубой “физичности” пространственно-телесных аспектов взаимодействия [22,с.107-108.]. Многие исследователи признают, что собственно социологические аспекты пространственных отношений ускользают из фокуса теоретической рефлексии. Кроме того, социологический анализ, как любое научное объяснение, стремится к выявлению детерминирующих факторов, «запускающих» и контролируемых исследуемые процессы. Между тем, рассуждения о физическом пространстве социальных отношений в плоскости первичности / вторичности “вместилища и содержания” в феноменологическом смысле схоластичны², что опять-таки затрудняет проблематизацию данной тематики.

Исключение территориального размещения как темы, достойной социологического рассуждения, нашло свое отражение в известном тезисе Парсонса «Действие не-пространственно, но временно» [35,р.763.]. Заметим, однако, что формула Парсонса афористична, но не вполне адекватна логике его анализа. Строго говоря, социальное действие Парсонса не имеет не только пространственного, но и временного измерения, если понимать последнее в физическом смысле. Напомним: Парсонс постулирует наличие двух «систем соотнесения» (frames of reference), на которых базируются эмпирически ориентированные науки, а именно — фрейма физического пространства-времени и фрейма социального действия, конструируемого в категориях средств и целей [35,р.763.]. Первая схема задействована в классе наук о природе, вторая — в науке о социальном действии. Оба класса эмпирических наук сориентированы на процессы, происходящие во времени, что отличает их от культурно-теоретических описаний. Однако время в этих науках понимается по-разному. Науки о природе имеют дело с реальным физическим временем, соотношенным с пространством; социальное действие анализируется в категориях процессуального соотнесения средств и цели. «Физическое время, — пишет Парсонс, — есть форма связи событий в пространстве, время как категория действия (action time) есть соотношение средств и целей и других элементов действия» [35,р.763.]. Таким образом, действие, по Парсонсу, не-пространственно и не-временно, но процессуально. В этом подходе есть безусловная логика последовательного исключения натуралистических категорий из сферы социального анализа.

¹ К сожалению, данная перспектива анализа не получила развития в марксистской социологии. Так, в монографии В.Г. Виноградского она оказалась смещенной в сторону схоластического пан-исторического теоретизирования. Рассматривая пространственные отношения как показатель силы и плотности социальных связей, автор считает необходимым расширить «теоретико-познавательные пределы» данного подхода и формулирует задачу «развертывания и углубления» содержания понятия «социальное пространство» [3,с.33.]. Он соединяет его с категорией социального времени, что позволяет, по мнению автора, дать динамическую перспективу социально-пространственных отношений. «Социальное пространство, — пишет В.Г. Виноградский, — раскрывается ...как процесс исторического движения общества на той или иной ступени его развития, предстает содержательно развернутым во времени» [3,с.187.]. В представленной интерпретации социальное пространство есть ни много ни мало вместилище истории, социальное “*всё*”. Превращаясь в тотальный концепт, оно утрачивает свою аналитическую продуктивность. Аналогичный подход характерен и для других философско-социологических работ этого периода (см., например: [14;31]).

² Как показал А.Ф. Филиппов, неоднозначность позиции Зиммеля в вопросе о причиняющей силе пространственности есть следствие феноменологической трактовки социальности, которая предполагает постоянное процессуальное «перетекание» причины и следствия [23].

Тем не менее, сама жизнь с ее реальными и чрезвычайно острыми территориальными проблемами, имеющими несомненное социальное звучание, заставляет социологов вновь и вновь возвращаться к теме пространства [1;18;25;26]. Сформулирована заявка на исследовательскую программу социологии пространства (А.Ф. Филиппов), но ее автор скорее выверяет эпистемические возможности социологии в названной области, нежели предлагает конкретный «план действий». Фактически, констатируется, что в сегодняшней исследовательской ситуации социологическое изучение пространственных отношений происходит (скорее, может происходить) в рамках анализа Gemeinschaft'ных отношений³, социологии тела и тематики образования новых государственных общностей и связанного с этим процесса поиска «новых идентичностей» [22,с.111.]. Подчеркнем, что речь идет о гипотетических тематических валентностях социологии пространства, а не о конкретных исследовательских результатах. Социология, по замечанию А.Ф. Филиппова, обнаруживает недостаток теоретических ресурсов для освоения обсуждаемой тематики и вынуждена обращаться «к философским разысканиям», «отказываясь в некоторых случаях от сугубо социологического способа рассуждений» [23].

Представляется, однако, что у формирующейся социологии пространства есть познавательный ресурс, связанный с осмыслением эколого-этологических подходов к анализу пространственных отношений. Речь идет не о том, чтобы социологию пространства заменить биологией территориальности. Напротив, этологическая перспектива анализа открывает дополнительные возможности для аутентично социологического рассуждения.

Социологическая легитимация темы пространства связана с решением вопроса о конституирующей («причиняющей») силе пространственных отношений. Именно так она проблематизирована в историко-теоретическом анализе А.Ф. Филиппова, посвященном социологии Зиммеля, и это представляется в высшей степени плодотворной постановкой проблемы. Отрицательное заключение по данному вопросу будет означать, что проблематика пространственности не выходит за традиционные рамки дискурса о социальном конструировании реальности.

Вопрос о причиняющей силе пространственного размещения решается в классической социологии более или менее однозначно⁴. Начиная от предельной социологизации пространства в концепции Дюркгейма и заканчивая противоречивой социологической феноменологией Зиммеля с большей или меньшей степенью категоричности, с теми или иными сомнениями и оговорками социология признает первичность социальных отношений по отношению к пространственным. Теоретическое кредо социологии можно выразить следующей простой формулой: «мы не потому дружим, что пространственно находимся рядом, а находимся рядом, потому что состоим в дружеских отношениях». У Зиммеля эта идея выражена стилистически изощреннее, но содержательно аналогично: «Не форма пространственной близости или дистанции создает особые явления соседства или чуждости, как бы это ни казалось неопровержимым... Не пространство, но совершаемое душой членение и сопряжение его частей имеет общественное значение...» [23]. Можно обратить внимание на определенную эволюцию взглядов Зиммеля в этом вопросе, но, фактически, в социологическом дискурсе доминирует представление о пространстве как о конструируемой смыслом реальности.

Между тем, современные представления о поведении высших млекопитающих позволяют утверждать, что пространство ближайших взаимодействий обладает социообразующей силой.

³Тенденция к локализации жизненной среды, в определенной степени инициировавшая интерес социологов к пространству, имеет, по всей видимости, биологические предпосылки. В литературе высказывается мнение, что человек (как и все живое) «сориентирован» на краткосрочные цели деятельности. Все, что выходит за пределы зоны непосредственной обозримости (то есть, в конечном счете, не подкреплено биологической необходимостью), не находит в нем «живого» отклика. Этот феномен «короткозамкнутых» целей имеет как временное, так и пространственное измерение. Предполагается, в частности, что он имеет отношение к проблеме охраны окружающей среды, воспринимаемой умозрительно из-за несопоставимых с жизнью человека масштабов пространства и времени [см.: 34,р.127-139.].

⁴ Мы не останавливаемся специально на «элементарных основаниях» социологии пространства — они чрезвычайно компетентно изложены в работах А.Ф. Филиппова [23;24].

В пользу этого заключения говорят, прежде всего, данные этологии, а также некоторые социологические наблюдения. Непосредственное отношение к интересующей нас проблематике имеют также психологические исследования, рассматривающие пространственную регуляцию поведения человека в зоне межличностной коммуникации.

Междисциплинарный подход, при всей его плодотворности, обычно порождает проблему обоснованности экстраполяций. В сфере анализа пространственных отношений эта проблема имеет отчетливые проявления.

Проблема междисциплинарных экстраполяций

Междисциплинарный обзор пространственной тематики обычно включает описание территориального поведения животных, которое, как предполагается, имеет эволюционные следы в поведении человека [см., например: 18;27]. Правомочность подобных выводов далеко не всегда очевидна. В частности, следует иметь в виду, что все живые существа по образу жизни более или менее отчетливо делятся на социальные и т.н. территориальные (одиночные) виды, а ближайший на современном эволюционном этапе родственник человека — шимпанзе — является социальным животным. Ярко выраженное территориальное поведение, связанное с «прикреплением» к определенному конкретному месту («дому»), характерно именно для территориальных животных (тавтология в данном случае есть дань терминологической однозначности), типичными представителями которых являются птицы, рыбы, рептилии. Территориальное поведение этих животных представляет собой видоспецифический комплекс, имеющий информационно-сигнальную функцию и направленный на привлечение полового партнера и защиту своей территории.

Проблема заключается в том, в какой степени территориальное поведение человека биологически детерминировано. Возможно, человеческий мозг действительно содержит в себе мозг рептилий⁵, однако это еще не является основанием для прямых экстраполяций. Весьма одиозным примером последних является сравнение поведения ящериц и птиц, потерпевших поражение в борьбе за территорию, с поведением разгромленной армии [33,р.45].

Можно предположить, что территориальный инстинкт трансформировался у человека в ощущение личного пространства. Эта гипотеза вполне корректна, однако она требует обоснования, а не иллюстраций. В действительности анализ природных истоков поведения человека очень часто строится на базе именно иллюстративного подхода. Так, редкое рассуждение о территориальном поведении человека обходится без обращения к феномену спонтанного размещения людей в пространстве со свободными «вакансиями» (вагоне, кафе, библиотеке, уличных лавочках и т.п.). В подобных ситуациях люди, незнакомые между собой, всегда занимают рассредоточенные позиции, и это рассматривается как проявление биологически унаследованного чувства территории. Однако совсем не очевидно, что здесь имеет место территориальный атавизм. Не менее убедительны альтернативные предположения. Стремление к дистанцированности можно связать с самосознанием — ощущением своего психического «я», присущим, по-видимому, только человеку, а также с диктатом культуры, запрещающей «фамильярные» контакты с незнакомыми людьми.

Психология территориального поведения человека

Пространственная регуляция поведения человека — одна из популярных и практически востребованных тем современной психологии. Можно выделить два основных аспекта данной проблематики. Первый, биологически укорененный, связан с анализом психофизиологических механизмов восприятия и индивидуального поведения в пространстве. Второй, ориентированный на анализ психологических механизмов (врожденных и приобретенных) поведения человека в коммуникативном пространстве, составляет предмет нового научного

⁵ Речь идет о популярной в психологии концепции «тройственности мозга», базирующейся на идеях, высказанных П. Маклейном (P. MacLean). Согласно этой концепции, человеческий мозг содержит, в качестве своей наиболее древней эволюционной части, мозг рептилий (т.н. Р-комплекс), для которых характерно высококонкурентное поведение, в том числе территориально-охранительное. Психобиолог П. Гилберт считает, что «...исчерпывающее понимание ментальной жизни человека должно учитывать наши рептильные истоки (our reptilian beginnings)... наш рептильный мозг, — предполагает он, — является источником многих патологий и деструктивных актов» [33,р.21].

направления проксемики.

Тематика проксемики поведения человека в большей степени отвечает задачам социологического анализа, нежели психофизиологическое направление. Последнее интересно главным образом в связи с эпистемической проблемой априорных форм познания, сформулированной Кантом. Заслуга биологического прочтения Канта принадлежит К. Лоренцу и, как это ни неожиданно, Г. Зиммелю. К Лоренцу в философско-биологическом сочинении «Оборотная сторона зеркала», в разделе «Гипотетический реализм и трансцендентальный идеализм», отмечает как близость, так и принципиальное расхождение кантовского и эволюционно-биологического подходов к идее априорности. К. Лоренц согласен с Кантом в том, что в своих исходных, базовых структурах, «формы созерцания и категории мышления не строятся индивидуальным опытом... и потому вообще не “возникают” в собственном смысле слова, а просто даны нам априори» [13,с.251.]. Однако великому мыслителю, пишет Лоренц, был недоступен ответ на вопрос о том, как возникают априорные формы познания, в то время как «для биолога, знакомого с фактами эволюции, он самоочевиден». «...Организация органов чувств и нервов, — пишет Лоренц, — дающая возможность живому существу ориентироваться в окружающем мире, возникла эволюционным путем, в столкновении и приспособлении к действительности... Для индивида эта организация, конечно, “априорна”, поскольку она предшествует всякому опыту и должна ему предшествовать, чтобы опыт был вообще возможен. Но функция ее обусловлена исторически, а вовсе не является “логической необходимостью”...» [13,с.251-252.]. В этом пункте возникает принципиальное расхождение гносеологических позиций философа и эволюционного биолога. К. Лоренц пишет: нельзя «просто отождествить то, что я называл “аппаратом отображения мира”, а Поппер – “perceiving apparatus”, с “априорным” в том смысле, как его понимал Кант. «...Для трансцендентального идеализма Канта нет никакого *соответствия* между вещью в себе ... и формой, в которой ее представляют нашему опыту наши априорные формы созерцания и категории мышления. Переживание для него *не образ* действительности, даже сколь угодно искаженный и грубый. Кант ясно понимает, что формы любого доступного нам опыта определяются структурами переживающего субъекта, а не переживаемого объекта; но он не допускает, что строение “perceiving apparatus” может иметь что-нибудь общее с действительностью...» [13,с.251.]. Трансцендентальной гносеологии Канта К. Лоренц противопоставляет эпистемическую позицию «гипотетического реализма»⁶. Она заключается в признании *реальности* того образа, который создается с помощью *априорных* форм познания. «“Очки”, через которые мы смотрим на мир, — такие формы нашего мышления и созерцания, как причинность, вещественность, пространство и время, — суть *функции* нашей нейросенсорной организации, — возникшей для сохранения вида, — оппонирует Лоренц Канту. — То, что мы видим через эти очки, вовсе не является, как полагают трансцендентальные идеалисты, непредсказуемым искажением Сущего-в-себе, не связанным с действительностью даже случайной аналогией, даже “отношением изображения”. Напротив, это подлинный образ действительности, который, впрочем, грубо утилитарным образом упрощен; у нас развились “органы” лишь для тех сторон Сущего-в-себе, какие важно было принимать в расчет для сохранения вида, т.е. в тех случаях, когда селекционное давление было достаточно для создания этого специального аппарата познания...» [13,с.249.].

Аналогичные идеи высказывал Г. Зиммель, посвятивший вопросу истинности человеческого познания небольшую работу, основная идея которой хорошо прочитывается уже в заголовке — «Об отношении селекционного учения к теории познания» [9]. «...Самые формы нашего мышления, производящие мир, как представление, — пишет Зиммель, — определяются практическими действиями и обратными воздействиями, которые формируют и нашу духовную организацию, также как и телесную, по необходимым законам эволюции. И если, пользуясь его собственным выражением, можно формулировать учение Канта одной фразой: *возможность* познания определяет одновременно и предметы познания, то предложенная здесь теория может быть выражена следующим образом: *полезность* познания определяет для нас одновременно и предметы познания» [9,с.19.].

⁶ Данный термин, как пишет К. Лоренц, принадлежит Д. Кэмпбеллу [13,с.250.].

Центральным концептом проксемики⁷ — науки о поведении людей в пространстве непосредственной коммуникации — является понятие *коммуникативной дистанции*, имеющей публичное, социальное, личное и интимное измерение. Популяризации этой тематики чрезвычайно способствовал кросс-культурный анализ дистанций, бессознательно поддерживаемых представителями разных культур и воспринимаемых ими как психологически комфортные. Предполагается, что речь в данном случае идет именно о культурных различиях, что далеко не очевидно. Стоит обратить внимание на то, что коммуникативная дистанция может выступать диагностическим показателем психического статуса индивида. Так, известно, что шизоидные типы склонны к дистанцированию от окружающих. П. Гилберт отмечает, что многие психопатологические состояния очень чувствительны к режиму пространственной близости /уединения (*linking & spacing*) [33,р.14,76.]; данное обстоятельство, подчеркивает он, требует учета в психотерапевтической практике [33,р.14.]. Он приводит также мнение Р. Гарднера, «который обратил внимание на то, что многие психопатологические состояния являются по своей природе коммуникативными, то есть связаны с пространственным расположением личности относительно других (*self/other spacing*)» [33,р.15.]. Пространственное положение личности представляет собой ресурс социального контроля и влияния, и этот вывод представляется социологически наиболее интересным результатом психотерапевтических исследований.

Тематика личной территориальности связана и с криминалистикой. Существуют данные о том, что лица, совершающие насильственные действия, обладают более широким полем личного пространства, нежели те, кто преступает закон по другим основаниям [см.: 21,с.71.]. Существующая связь между психическими патологиями и пространственными предпочтениями личности заставляют задуматься над «удельным весом» биологических и социокультурных детерминант коммуникативной дистанции.

Одним из перспективных направлений проксемики является *психология восприятия и поведения в закрытой жизненной среде*. П. Гилберт, специализирующийся в области эволюционной психобиологии, отмечает в качестве нового направления в сфере исследований психического здоровья экологию жизненного пространства. «Было показано, — пишет он, — что многоэтажные жилища у многих людей препятствуют нормальному проявлению потребности в пространственной близости/удаленности; это приводит к трудностям в установлении социальных связей, а также в формировании чувства пространственной уединенности и защищенности от межличностных контактов. Считается, что этот способ организации жизненного пространства вносит свой вклад в формирование таких явлений, как социальная отчужденность (изоляция), злоупотребление наркотиками и преступность. Может быть, одним из позитивных последствий психобиологических и эволюционных исследований человеческого поведения будет усиление озабоченности тем, чтобы предоставить людям нормальные (естественные) условия обитания, способствующие формированию не деструктивных, а позитивных пространственных размещений и связей» [33,р.13.].

Психологи говорят о наличии пространственных механизмов, способных управлять социально-коммуникативным поведением людей в закрытой жизненной среде. Концептуализируя эту идею, Г. Осмонд предложил различать два принципиальных типа пространственной среды — социофугальную и социопетальную. Если первая препятствует установлению межличностных коммуникаций (например, устройство мест в автобусе), то вторая способствует общению людей (пример — купе поезда). Известна попытка практического воплощения этой идеи. По свидетельству А.А. Чернецкой, на основе идей Осборна в 50-е годы прошлого столетия был разработан проект психиатрической клиники, получивший поддержку Всемирной организации здравоохранения [26,с.5.].

М. Черноушек обращает внимание на феномен постоянства поведения людей в условиях специфической пространственной конфигурации закрытого помещения. «В определенном организованном пространстве, — пишет он, — можно наблюдать характерный тип поведения людей без особых индивидуальных различий. Физическая организация среды накладывает печать на их поведение» [27,с.107.].

В качестве самостоятельного направления, выходящего за пределы проксемики, можно

⁷ Развернутую характеристику проксемики см. в: [11].

выделить *психологию восприятия и поведения в пространстве обезличенных коммуникаций*. Речь в данном случае идет о пространстве, превосходящем зону межличностного контакта, но в отличие от макропространства доступном для непосредственного восприятия. Типичным примером такого рода пространства служит город. В социологии данная тема открыта Чикагской школой. В целом названное направление представляет собой некое междисциплинарное поле психологии, социологии, урбанистики — область, которая сегодня дисциплинарно маркируется как социальная география.

Весь этот тематически насыщенный комплекс объединяет то, что представленные в нем аналитические подходы исходят из точки тела как со стороны масштаба охватываемых явлений (рассматривается то, что включается в зону непосредственного психологического восприятия личности), так и с точки зрения фокуса исследовательского внимания. Психологов интересует, что происходит с индивидом в пространстве, как он на него реагирует, как строит коммуникации в тех или иных условиях, как адаптируется к критическим параметрам пространственной среды и проч. Все эти вопросы, как будет показано далее, безразличны социологическому дискурсу.

Социологические аспекты пространственных взаимоотношений

Пространство как социообразующий фактор

Несмотря на то, что пространственное поведение человека представляет определенный интерес для социолога, проблематично, в какой степени оправдано включение этой темы в предметную область социологии. Не исчерпывается ли она в психобиологических границах кинесики и проксемики? Центральным пунктом социологического анализа пространства является, как отмечалось выше, вопрос о «причиняющей» (социообразующей) силе пространственных конфигураций. Положительный ответ на него означает, что сила пространственного фактора не исчерпывается отдельными аспектами человеческих взаимодействий, связанными с размещением в пространстве, — такими как распределение индивидов в свободном помещении или соблюдение определенных дистанций при общении. Есть основания для предположения о том, что пространственный фактор влияет не только на сближение / дистанцирование индивидов, но и на социальное формообразование. В этологических и социологических наблюдениях было показано, что социальные формы, в которых протекает жизнь человека и животных (причем не только высших), безразличны к режиму пространственного контакта. Это установлено для таких форм, как дружба, родительство, брак, в какой-то степени — иерархическая структура.

Дружба, с этологической точки зрения, представляет собой одну из наиболее интересных и, в известном смысле, загадочных форм социальной жизни. Ее функции, по сравнению с родительскими отношениями, кажутся малозначительными. Тем не менее, феномен дружеских отношений зафиксирован у разных видов высокоорганизованных животных⁸, причем функционально он, также как и у людей, не сводится к укреплению физических и социальных позиций членов дружеского союза, хотя и может иметь это своим эпифеноменальным следствием. Однако непосредственно прагматические цели реализуются в другой форме социальной организации — в коалиции, которая имеет ярко выраженный смысл «кооперативного усиления» и не сопровождается эмоциональной привязанностью, характерной для дружеских отношений (подробнее об этих формах см. в [30]). Смысл и предназначение феномена дружбы могут быть поняты в рамках концепции имманентной социальности, возникающей как атрибутивное свойство жизни [19]. В этой, «дистальной» общеэволюционной перспективе дружба предстает как способ поддержания социальности как таковой, вне ее непосредственной связи с биологическими функциями пропитания, защиты, завоевания и т.п.

Дружба есть сложно и неоднозначно структурированный комплекс отношений, и определение необходимых и достаточных параметров этого комплекса является самостоятельной исследовательской задачей. В связи с этим, заслуживает внимания поведенческий (этологический) критерий дружбы, согласно которому дружить — значит быть рядом. При всей внешней простоте и поверхностности этого признака, он улавливает

⁸ Решающим фактором при этом является способность индивидуального распознавания сородичей.

некоторые весьма существенные и, в свете гипотезы социообразующего значения пространственного фактора, сущностные характеристики дружеского союза.

Особенности пространственного размещения имеют, по всей видимости, важное значение не только для природно-биологической формы дружеского союза, но и для человеческой дружбы. Существует ряд исследований, которые показывают влияние пространственного фактора на установление тесных социальных связей (обзор этих исследований см. в: [6, с.263-266.]). Было бы преувеличением трактовать эти данные в духе «архитектурного детерминизма», однако они заставляют воздерживаться и от жестких социально-детерминистских интерпретаций. Результаты социально-экологических исследований consistentны выводу о существовании «зависимости между плотностью взаимодействия, солидарностью и конформизмом», который Р. Коллинз относит к дисциплинарным достижениям социологии [10, с.73.]. Фактически, концепция социообразующего значения пространственного фактора есть спецификация этой зависимости.

В эколого-этологическом контексте осмысленное звучание приобретают житейские наблюдения, фиксирующие размывание дружеских отношений, замену их «приятельством по телефону». Действительно, дружба как социальная форма в условиях территориальной рассредоточенности теряет свой важнейший этологический фундамент, свою пространственную «несущую конструкцию» и заменяется неким другим видом общения, социально-психологический смысл которого с трудом улавливается не только повседневным, но и научным дискурсом.

Характерно, что в животном мире изменение параметров пространственного расположения (близости / удаленности) также ведет к трансформации социальных отношений. Чрезвычайно любопытны в этом плане наблюдения Дж. Гудолл над феноменом женской дружбы у шимпанзе. В естественных социально-экологических условиях самки шимпанзе обычно не дружат, что, по-видимому, отвечает биологической природе дружеских отношений [30]. Однако в условиях неволи, когда нарушены нормальные пространственные дистанции, самки образуют дружеские союзы [см.: 7, с.190,597.]. Безусловно, это не является механическим следствием искусственной пространственной сближенности, здесь действует целый комплекс опосредующих социально-психологических факторов. Шимпанзе, — пишет Гудолл, — «живут в неволе не только в буквальном, но и в фигуральном смысле — в неволе собственного сообщества» [7, с.596-597.]. Однако пусковым при этом (или одним из таковых) является пространственный фактор.

Этим выводам отвечают данные наблюдений над родительским поведением животных, фиксирующие изменение его типичных параметров при нарушении пространственно-временного режима общения. Так, для песцов показано, что длительное пребывание рядом с детенышами приводит к повышению социальной отзывчивости в поведении матери⁹, а у самцов инициирует комплекс родительского/помощнического поведения, не свойственный этому виду как облигатный¹⁰ признак. По свидетельству Е.П. Крученковой, подобные явления отмечены также для других животных, условия обитания которых вызывают социальную гиперстимуляцию отношений. В частности, резкое возрастание случаев отцовского и помощнического поведения наблюдается в зоопарках. Кроме того, в условиях неволи появляются новые поведенческие признаки, которые не фиксируются в естественной среде обитания. Так, у детенышей песцов отмечается «реакция на разлуку», то есть психологическая привязанность такого рода, которая в живой природе характерна лишь для высокоорганизованных животных, в частности, приматов [Крученкова Е.П., устное сообщение].

Подчеркнем, что появление факультативной, не свойственной виду привязанности и заботы не является реакцией на некие иные, помимо пространственных, экстраординарные условия среды. Стоит также отметить, что забота со стороны отцов или помощников не ведет к повышению эффективности выращивания потомства. Родительское поведение в описанных

⁹ Это проявляется, в частности, в нарушении режима кормления: мать начинает кормить детенышей по их первому требованию [12, с.37.].

¹⁰ *Облигатный* — видоспецифический. В отличие от облигатных, *факультативные* признаки проявляются как особенности индивидуального развития.

случаях возникает не как биологический ответ на нужду, а как реакция на внешний сигнал, которым является определенный режим пространственной близости. В основе анализируемого процесса лежит, как предполагается, одновременное действие общебиологических механизмов привыкания и сенситизации [12,с.37].

На основании описанных данных была выдвинута социозэкологическая гипотеза формирования родительского поведения, согласно которой существенная роль в этом процессе принадлежит фактору пространственной близости, причем не только в онтогенетической, но и в эволюционной перспективе. Автор данной концепции Е.П. Крученкова полагает, что «первичный фактор, который вызвал образование родительского поведения, связан с особенностями социозэкологии исходной группы, а именно: потомство не расселялось с участка родителей, и животные долгое время оставались в пространственной близости друг к другу» [12,с.41].

Данная гипотеза чрезвычайно любопытна в междисциплинарном отношении. Постулируя решающую роль социальных влияний и поведенческих процессов в онтогенетическом и эволюционном развитии жизни, она представляет собой, по сути, социологическую концептуализацию, самостоятельно сформулированную в биологическом дискурсе. По словам Крученковой, «биология приходит к выводу о существовании специфического вида среды — социальной — которая формируется как поведенческая среда и принципиально отличается от обычной биологической среды» [устное сообщение]. Для биологии, традиционно ориентированной прежде всего на эндогенные факторы развития, это свежий, если не революционный взгляд на функционирование жизни.

Пространственные отношения и дилемма макро-/микрподхода к анализу общества

Экстраполяция данной гипотезы на социальную жизнь человека требует, разумеется, соотнесения социозэкологических и специфичных для человека социокультурных параметров существования. Очевидно, что формирование биологической, «телесно-замкнутой» привязанности происходит по иным каналам и с помощью иных механизмов, нежели образование / функционирование социальных связей, основанных на символической коммуникации. В общеметодологическом плане эта проблема вписывается в старую, но далеко не изжитую дилемму социальной эпистемологии — дилемму макро-/микрподхода к анализу общества. На каком из этих уровней можно адекватно понять истоки и «тайну» социальности? Длительная полемика по этому вопросу убеждает, что ни один из названных подходов не дает полной модели функционирования общества. Социальные процессы не могут быть адекватно поняты в категориях индивидуального действия. С другой стороны, надындивидуальный (холистский) взгляд на социальные взаимодействия также не позволяет объяснить их исчерпывающим образом. Невозможность гармонично интегрировать эти подходы вызывает раздражение исследователей. «...Вся эта возня с пониманием микроосновы макропроцессов и наоборот преждевременна», — заявляет Дж. Тернер и предлагает, по крайней мере, на некоторое время, «сохранить разделение на макро- и микросоциологию» [20,с.132-133.]. В этом предложении есть здравый смысл, поскольку истина, как представляется, лежит не посередине, а в суммировании этих подходов.

Для человека, как для любого биологического существа, важнейший аспект жизнедеятельности связан с проксимальными взаимодействиями. Именно в сфере проксимальных взаимодействий рождается, по-видимому, социальность животного мира, и только в этих рамках она и существует в природе. Лишь в жизни человеческого общества социальные взаимодействия приобретают дистальный характер и возникает феномен дистанцированной социальности.

Впрочем, данное утверждение, как любое категорическое противопоставление мира природы и культуры, требует дополнительной аргументации. Дело в том, что дистанцированные коммуникации происходят и в животном мире — с помощью звуков, пахучих меток, царапин на деревьях. Однако эти естественные средства коммуникации носят сенсорный характер, в то время как в культурном мире дистанцированное общение происходит с помощью символических средств. Второе, более тонкое отличие состоит в том, что взаимоотношения в сенсорных сообществах не являются, строго говоря, социальными, если понимать под последними устойчивые ролевые структуры взаимодействий (социальные

формы). Естественно-природные средства дистанционного общения регулируют не социальные, а чисто биологические (внутрипопуляционные) процессы, связанные с распределением территориальных, пищевых и половых ресурсов.

Появление дистальной перспективы социального взаимодействия стало возможно благодаря языку, породившему тот комплекс надындивидуальных феноменов, который был назван К. Поппером третьим миром и который оказывает чрезвычайно сильное детерминирующее воздействие на все аспекты человеческой жизни, в том числе на проксимальные взаимодействия. Развитие дистальных средств коммуникации привело к появлению феномена виртуального общества, деформирующего привычную (проксимальную) пространственно-временную картину мира. Это несовпадение естественной, телесно-измеримой и дистальной, по сути, внепространственной дистанции общения порождает (гипотетически) одно из «экзистенциальных» противоречий современной культуры и центральную теоретическую проблему социологии пространства.

Виртуальная коммуникация и пространственный ресурс жизни

Пространство является одним из важнейших ресурсов жизни и социальных отношений как ее непереносимого атрибута. Такой внешне непритязательный подход заставляет обратить внимание на то, что ресурс есть не только то, что используется как пассивный материал (в данном случае — вместилище отношений). Ресурс обладает и структурирующей силой: в любом ремесле используемый материал задает существенные параметры и накладывает ограничения на то, что из него творится. Понимание пространства как ресурса, в значительной степени формирующего отношения, задает принципиальную демаркацию между социально-этологическим и каноническим социологическим подходом к исследуемому вопросу. Социологии безразлично, где происходит действие. Этологически ориентированный подход связан с признанием значимости фактора пространственной конфигурации социального действия. Именно биологически укорененное (этологическое) прочтение социальности делает осмысленной постановку вопроса о виртуальной деформации социальных отношений. В самом деле, если пространство есть не более чем социальный конструкт, он просто заменяется иным конструктом, и ничего существенного, тем более критического, с социальными отношениями произойти не может. Но если пространство есть изначально заданный социальный ресурс, на который замкнута социальность, тематика обретает смысл и интригу.

Возвращаясь к теме дружбы, напомним, что, с точки зрения этологии, дружить — значит быть рядом. Но что означает «быть рядом»? Обязательно ли необходимо телесное присутствие или «быть рядом» возможно не только физически, но и символически — посредством телефона, письма, электронной коммуникации? Это не пустые вопросы. Вполне очевидно, что человек живет в символическом мире. Однако уменьшает ли это значение физического, непосредственного мира? Феномен локальности (коротко-замкнутости в пространстве и во времени) базовых структур человеческого восприятия и поведения, о котором упоминалось выше, имеет прямое отношение к данному вопросу. Само наличие у высокопозитивного *homo sapiens* органов чувств — органов непосредственного чувствования действительности — заставляет видеть здесь проблему. Стоит также обратить внимание на то социоподдерживающее значение, которое имеют непосредственные физические контакты в групповой жизни высших животных (в частности, груминг, который многими исследователями интерпретируется именно как социальная, а не гигиеническая процедура).

Какие последствия имеет для человека смещение общения в сторону символических форм коммуникации? Безусловно, это естественно-исторический процесс, однако это еще не означает, что он идет во благо человеку. Неслучайно психологи обеспокоены компьютерной социализацией детей. Не все существующее разумно. На языке биологии это звучит как принцип относительной приспособленности, «в соответствии с которым далеко не все свойства биологической системы являются адаптивными» [16, с.18.]. Многие физико-морфологические, поведенческие и социально-институциональные феномены природной и культурной жизни носят дисфункциональный характер и не могут быть гармонизированы естественным (естественно-биологическим или естественно-социальным) образом [см.: 29].

Однако существует и другой, также биологически ориентированный ракурс рассмотрения анализируемой проблемы, не позволяющий ее излишне драматизировать. Данный ракурс связан с реконструкцией эволюционной логики развития пространственных отношений.

Пространственные отношения в естественно-исторической перспективе

Рассмотрение пространственных отношений в общеэволюционной перспективе позволяет заметить ослабление территориальной доминанты организации жизни. В отношении человека это обстоятельство было подмечено и концептуализировано философской антропологией. В ходе естественной истории человек освобождается от территориальности в ее изначальном биологическом смысле — той территориальности, которая в животном мире выступает как своего рода кокон, продолжение физического тела особи. «Существо, которому открыта вся полнота пространства и времени, имеет мир, а не окружающий мир»; «человек как таковой живет “повсюду”...», — писал А. Гелен [5, с.169,172.].

Реконструкция логики эволюционной «утилизации» пространственной близости позволяет рассмотреть этот процесс в более широких рамках. В филогенетической ретроспекции видно, что фактор пространственного расположения отражается на организации живого двумя способами. Первый способ ведет к появлению «морфологических социальностей». Великолепные примеры, показывающие механизм образования такого рода феноменов, содержатся в книге Е.Н. Панова «Бегство от одиночества» [15]. Описывая сложные многоклеточные образования, которые нельзя однозначно отнести ни к индивидуальному целому, ни к «коалиции» организмов, он намечает эволюционную линию появления и развития многоклеточности, первоначальным импульсом которой служит фактор пространственной близости. Последний приводит к формированию примитивных колониальных объединений одноклеточных организмов, функциональная и морфологическая дифференциация которых дает в дальнейшем «истинную многоклеточность», то есть организмы, клетки которых интегрированы в единое целое. Такова логика колониальной теории происхождения многоклеточных [15, с.91-93.].

Этот путь, в основе которого лежит физический (телесный, субстратный) носитель, своей эволюционной вершины достиг, по-видимому, в организации жизни общественных насекомых. Сложное переплетение морфологических и поведенческих конгруэнций создает серьезные проблемы для понимания природы той социальности, которую демонстрируют муравьи и пчелы. В социобиологии данная форма жизни трактуется как эусоциальная¹¹. Заслуживает, однако, внимания мнение русского биолога В.А. Вагнера, который видел в жизни общественных насекомых отнюдь не семью или социальную форму общества / государства, но симбиотическое объединение [2].

Второй путь имеет более выраженный социальный смысл и связан с формированием поведенческих конгруэнций на символической (знаковой) основе. Именно по этому пути развивается социальность высших животных¹².

Не связанные жесткой «морфологичностью»¹³, животные используют знак как организатор социальности. Этот знак имеет чисто поведенческую природу и в известном смысле неотделим от своего материального носителя (впрочем, всевозможные метки, которые оставляют *после себя* животные, заставляют воздерживаться от категоричных формулировок). Кроме того, все знаковое поведение первоначально, по-видимому, носило прямой смысл, непосредственно сигнализируя о том или ином намерении особи. Однако постепенно в поведении появляются

¹¹ Греч. “*eu*” означает «хорошо», «полностью».

¹² Неслучайно многие специалисты в области поведенческой биологии (этологии) трактуют эту науку как семиотическую (см.: [17, с.58.]).

¹³ Различение, которое мы здесь проводим, как и любая классификация, в значительной мере условно. Морфологические конгруэнции существуют и на высших ступенях жизни и проявляются в специфической «подгонке» организменного строения самца и самки, родителей и детенышей (применительно к данным феноменом, термин «конгруэнции» был введен в биологию С.А. Северцовым). Тем не менее, данное различение фиксирует специфику двух эволюционно выработанных способов использования исходного ресурса пространственной близости, и в этом смысле методологически полезно. Кроме того, основные сферы действия морфологических конгруэнций — половая и репродуктивная — если и являются исходной базой развития социальных отношений, отнюдь не раскрывают последние во всей их полноте и специфике.

символические *жесты*, и намерения, стоящие за ними, приобретают скрытый смысл, требующий расшифровки. Так возникают ритуалы, организующие поведение высокоразвитых животных. Лоренц показал, что на основе выявления степени ритуализации поведения возможно восстановление филогенетических линий развития близких видов.

В эволюционной перспективе развитие символической линии поведения подготавливает возникновение языка (в социологии эта идея ярче всего, пожалуй, воплощена в концепции жеста Дж.Г. Мида); язык делает возможным существование сообществ, использующих дистанционные средства коммуникации. Такова первая линия утилизации пространственной близости, в ходе которой последовательное эволюционное развитие микропространственных взаимодействий ведет к появлению макросоциальных процессов и ослаблению значения фактора непосредственной территориальной близости в жизни человека.

К подобному же выводу приводит рассмотрение другого, психобиологического аспекта обсуждаемой проблемы. Символическое поведение у многих животных организовано в тесной связи с территорией. Показательна в этом отношении интерпретация Е.Н. Пановым системы тетеревиного тока. Стремясь выявить социальный смысл этой впечатляющей, но не очень понятной структуры, Е.Н. Панов обращается к гипотезе территориального структурирования отношений. «Когда мы видим, — пишет он, — как прибывающие на ток самки уверенно движутся к его середине, игнорируя периферийных самцов, которые ни внешне, ни по экстравагантности предбрачных церемоний не уступают своим сотоварищам в центре арены, вполне оправданным начинает казаться предположение, что самка воспринимает ток как некую целостную пространственную структуру с неравноценными друг другу внешней и внутренней зонами. Именно это имеют в виду те натуралисты, которые склонны считать, что готовая к спариванию самка выбирает не какого-то определенного, особенно импонирующего ей самца, а лишь наиболее «перспективную» территорию — независимо от того, насколько хорош или плох удерживающий эту территорию самец» [15, с.232.].

Известно, что у многих животных, в частности, птиц брачные ритуалы адресуются не конкретной, персонально узнаваемой избраннице, но самке, присутствующей в данный момент на территории самца. Длительные моногамии перелетных птиц орнитологи также зачастую объясняют территориальным (гнездовым), но не персональным постоянством.

Территориальное поведение свойственно, как уже отмечалось, прежде всего птицам, рыбам и рептилиям. Жизнь более высокоразвитых животных в значительной степени основана не на территориальной, но персонально-символической регуляции, требующей наличия психической способности индивидуального распознавания членов сообщества. Таким образом, существует определенная эволюция пространственных отношений, в которой можно различить морфологический, социально-территориальный и собственно социальный этапы; при этом последний в своем наиболее развитом варианте предполагает структурирование отношений на основе персональной идентификации членов группы. Это также приводит к ослаблению территориальной доминанты организации жизни, причем уже на уровне микро-взаимодействий. Особенно ярко эта тенденция проявляется в жизни человеческого сообщества, в связи с чем последнее и не получило в социологии пространственного измерения.

Макропространственные взаимоотношения и границы биологического анализа

Социологический ракурс пространственной тематики позволяет выявить еще одну важную проблему, не различимую в рамках психобиологического направления. Речь идет о дистальных пространственных взаимодействиях, формирующихся в масштабе таких протяженностей, которые индивидуальным сознанием непосредственно не воспринимаются. Проблематика макропространства имеет определенное развитие в современной науке [6;32;22], при этом очевидно, что она должна составлять предмет самостоятельной исследовательской программы, использующей свои специфические теоретические ресурсы. Поведенческая биология здесь явно неуместна. Как бы ни были оправданы аналогии между территориальным поведением человека и животного, они целиком и полностью лежат в плоскости проксимальных, непосредственно-контактных взаимодействий. Любые экстраполяции в дистальную перспективу несостоятельны, поскольку в этой перспективе работают иные механизмы и детерминации. Несмотря на похожесть территориально-охранительного поведения человека и

животных, аналогии между пограничными столбами и территориальными метками [18;27] не способствуют прояснению дела.

Создается впечатление, что, по мере социально-культурной эволюции человека и возникновения макро-социальных общностей, функция удержания территории постепенно передается «организмам» надындивидуального уровня¹⁴. На уровне племени и вообще любой контактной группы охранительное поведение человека действительно, в известной степени, изоморфно соответствующему поведению общественных животных, которые также защищают коллективную территорию. Однако ни один биологический вид, кроме *homo sapiens*, не в состоянии намеренно провести *популяционную границу* — то есть границу между макро-обществами, не обозримыми в индивидуальных взаимодействиях. Это становится возможным лишь на уровне «социального организма», целостность которого поддерживается символическими средствами коммуникации. Именно так, и, по всей видимости, только так возможна *биологическая* интерпретация феномена государственной границы. Отсылки к территориальному инстинкту человека как объяснительной схеме дальше научно-популярных текстов не проходят и в серьезном социологическом анализе не подлежат рассмотрению. Однако признание того, что крупное государственно-политическое образование есть социальная целостность, то есть специфический социальный организм, пропускает к более сложным интерпретациям, не столько биологическим, сколько по своей сути общесистемным.

Необходимым атрибутом любой структурной целостности является граница, и поддержание этой границы тем или иным способом является важнейшей функцией целостной системы. Таковы, по-видимому, законы существования системных целостностей на любом уровне иерархического порядка жизни. Клетка имеет оболочку, тело — кожные покровы, социально-пространственный «организм» — территориальные границы. Только таким способом эти системные единства в состоянии поддерживать свое автономное (аутопойетическое) функционирование. Возможно, здесь работает логика «заданных параметров» жизни на Земле, одним из которых является дискретная организация живого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барзыкина А.И. Социальное пространство: сущность и проблема диагностики (социологический анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. - М., 1997.
2. Вагнер В.А. «Социология» в ботанике (Фито-социология) // Природа. 1912. Сентябрь. С. 1059 – 1080.
3. Виноградский В.Г. Социальная организация пространства. Философско-социологический анализ. - М.: Наука, 1988.
4. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т.2. Философия природы. - М.: Мысль, 1975.
5. Гелен. А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С.Гуревича; Общ. ред. Ю.Н.Попова. - М.: Прогресс, 1988. – с. 152-201.
6. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. Пер. с англ. / Авт. предисл. С.В. Федулов. - М.: Прогресс, 1990.
7. Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение: Пер. с англ. - М.: Мир, 1992.
8. Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. - Свердловск, 1974.
9. Зиммель Г. Об отношении селекционного учения к теории познания // Дарвинизм и теория познания Г. Зиммеля и Ф. Ницше. Дарвинистическая библиотека. Вып. I. - СПб.: С.-Петербургская Коммерческая Типо-Литография, Литейный, 58, 1899. – С. 5-19.
10. Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // Thesis: теория и история экономических и социальных систем. Альманах. - М. 1994. Т.2. вып. 4. С. 71-96.

¹⁴ Использование категорий «организм» и «индивид» в междисциплинарном контексте заставляет прибегать к оговоркам, в силу чрезвычайной запутанности терминологической ситуации с этими понятиями в биологии. В рамках данной статьи нет необходимости ни прояснять данную ситуацию, ни прибегать к современным биологическим интерпретациям названных понятий (см. об этом в: [36]); достаточно указать на то, что в настоящем тексте в соответствии с историко-социологической традицией под «организмом» понимается феномен органической или сверх-органической структурной целостности, а «индивид» трактуется как синоним «особи».

11. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. - М.: Новое литературное обозрение, 2002.
12. *Крученкова Е. П.* Принципы отношений мать-детеныш у млекопитающих: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук по специальности 03.00.08 — зоология. - М.: МГУ, 2002.
13. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала // Лоренц К. Обратная сторона зеркала: Пер. с нем. / Под ред. А.В. Гладкого; Сост. А.В. Гладкого, А.И. Федорова; Послесловие А.И.Федорова. - М.: Республика, 1998. С. 243-467.
14. *Очкур Ю.А.* Социальное пространство (философский анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. - М.: ЛГУ, 1990.
15. *Панов Е.Н.* Бегство от одиночества. Индивидуальное и коллективное в природе и в человеческом обществе. - М.: Лазурь, 2001.
16. *Панов Е.Н.* Поведение животных и этологическая структура популяций. - М.: Наука, 1983.
17. *Панов Е.Н.* Этология человека: история и перспективы // Поведение животных и человека: сходство и различия. Сб. науч. трудов. - Пушкино, 1989. С. 28-62.
18. *Писачкин В.А.* Социология жизненного пространства. - Саранск: Изд-во Мордов ун-та, 1997.
19. *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.
20. *Тернер Дж.* Аналитическое теоретизирование // Thesis: теория и история экономических и социальных систем. Альманах. - М. 1994. Т.2. вып. 4. С. 119-157.
21. *Фаст Дж.* Язык тела // Фаст Дж. Язык тела. Холл Э. Как понять иностранца без слов. - М., 1995.
22. *Филиппов А.Ф.* О понятии социального пространства // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / Под общ. ред. Т.И. Заславской. - М.: Аспект Пресс, 1996. — с. 103 – 113.
23. *Филиппов А.Ф.* Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы [онлайн] // Дата обращения: 10 февраля 2003. <http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html>.
24. *Филиппов А.Ф.* Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45-69.
25. *Филлимонова О.Ф.* Жизненное пространство человека. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. - Саратов, 1998.
26. *Чернецкая А.А.* Социальное пространство повседневности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. - Саратов, 1999.
27. *Черноушек М.* Психология жизненной среды / Пер. с чеш. И.И. Попа. – М.: Мысль, 1989.
28. *Шаталкин А.И.* Эволюционный вид как система индивидуальной природы // Журнал общей биологии. 1984. Том XLV, № 3. С. 291-305.
29. *Шмерлина И.А.* Биологические парадоксы социальности // Вестник РАН. *В печати*.
30. *Шмерлина И.А.* «Физика социальности» // Вестник РАН. 2003. Том 73. № 6. С. 521-532.
31. *Эпштейн Р.И.* Проблема пространства в исследовании социальной формы движения материи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М.: МГУ, 1983.
32. *Dodgshon Robert A.* Society in Time and Space. A Geographical Perspective on Change. - Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
33. *Gilbert P.* Human nature and suffering. Have etc.: Lawrence Erlbaum assoc., 1989.
34. *Gruter M.* Law and the mind: biological origin of human behavior. SAGE publications, L., 1991.
35. *Parsons T.* The structure of social action. - New York and London: McGraw-Hill Book Company, Inc., 1937.

THE THEME OF SPACE IN THE INTERDISCIPLINARY ANALYSIS

I.A. Shmerlina

*The Institute of Sociology, The Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo str. 24/35, bl. 5, 117259, Moscow, Russia*

Interdisciplinary aspects of space problem are upon consideration. The article proves the abilities of ethological approach as applied to the study the genesis of social links, the nature of friendship, social psychological consequences of the remote communication facilities. The tendency to weakening the territorial dominance of life examined within the frames of evolutionary transformation of the space proximity has been postulated. The author shows the scope of interdisciplinary extrapolations concerning the subject under consideration.